

Две армии, чётко разделённые, плотным кольцом окружили резиденцию Ланкастеров.

Янь Цзи вышел из звездолёта. Его лицо, обычно улыбочивое, теперь было суровым и решительным. Он поднял ствол, нацелив его на охрану, и приказал:

— Прочь с дороги.

Охранники замерли, ошеломлённые его властным напором, но лишь на мгновение. Солдаты Янь Цзи тут же их обезоружили.

Янь Цзи выбил ногой дверь резиденции.

Он спешно пересёк анфиладу комнат и направился прямо к плотно закрытой двери.

Но прежде чем он успел повернуть ручку, дверь открылась изнутри. На пороге стоял Андре с бледным, измождённым лицом.

Янь Цзи без колебаний нанёс удар.

Андре не уклонился. Он принял на себя всю ярость удара альфы S-класса, и из уголка его рта потекла струйка крови.

— Прочь, — враждебно бросил Янь Цзи. — Я забираю его.

Эти слова наконец вывели Андре из оцепенения.

Он медленно поднял голову, и в его глазах вспыхнули искры.

— По какому праву? — тихо спросил он.

— По тому праву, что ты не можешь его защитить.

Видя, что Андре лишь холодно смотрит на него, Янь Цзи снял перчатки, вытащил из-за пояса пистолет и небрежно отбросил его в сторону. Он согнул руки, слегка наклонился, уподобившись готовящемуся к прыжку гепарду.

— Давай сразимся. Если я выиграю, ты его отпустишь.

Андре вытер кровь с губ и усмехнулся.

— Ты не сможешь выиграть. Мой уровень выше.

— Если я проиграю, — холодно усмехнулся Янь Цзи, делая заманчивое предложение, — ты сможешь убить меня ещё раз.

В следующее мгновение они сошлись в схватке. Каждый удар был подобен разрыву снаряда, каждый выпад метил в уязвимое место. Братья, некогда доверявшие друг другу спину, теперь, зная все слабости противника, отчаянно пытались загнать друг друга в смертельную ловушку.

В конце концов, Андре воспользовался ошибкой Янь Цзи и нанёс ему сокрушительный удар локтем в грудь. Боль, от которой, казалось, вот-вот разорвётся сердце, заставила Янь Цзи отступить. Андре без колебаний нанёс ещё один удар, на этот раз в живот.

Янь Цзи рухнул на колени. Железная хватка на его шее и давящая боль в груди отсчитывали последние секунды его жизни.

И в тот миг, когда песок в часах почти иссяк, раздался слабый голос:

— Янь Цзи...

Андре резко отпустил его.

Чжун Цин не знал, сколько он спал.

В этой абсолютной тишине и покое время текло незаметно. Лишь когда шум вокруг стал нарастать, а перед глазами замелькали вспышки света, он, словно утопающий, наконец глотнувший воздуха, с трудом пришёл в себя, окутанный болью и смятением.

Он не мог сесть сам, а перед глазами стояла непроглядная тьма. Лишь спустя долгое время он понял, что дело не в отсутствии света в комнате, а в том, что его зрение было повреждено.

Яд поразили не только его зрительные нервы, но и голосовые связки, и слух.

Он попытался издать звук, но горло пронзила острая боль. Ему казалось, будто его заперли в банке, и все звуки доносились до него глухо и неразборчиво.

— Янь Цзи...

Он на ощупь стал искать что-то рядом, но чья-то рука перехватила его.

— Я здесь.

Голос был невероятно хриплым, словно звук со старой, поцарапанной пластинки. Но Чжун Цин не заметил разницы, или в тот момент он просто не мог её заметить.

Он чувствовал лишь, что запах этого человека вызывает у него дискомфорт.

Он вырвал свою руку и продолжил поиски, пытаясь найти то, что могло бы его успокоить, но всё так же бессознательно шептал:

— Янь Цзи... Янь Цзи...

Андре поймал его блуждающую руку и выпустил немного феромонов. Ледяной аромат быстро успокоил его.

Чжун Цин провёл рукой по руке, которая дарила ему покой, затем выше, к лицу. Наверное, он давно не брился — под ладонью ощущалась жёсткая, колючая щетина.

Нейротоксин ещё не полностью вышел из его организма, и Чжун Цин снова погрузился в сон.

Андре смотрел, как Чжун Цин, почти свернувшись у него на груди, засыпает, и поправил ему одеяло.

Услышав, что первое слово Чжун Цина после пробуждения — это имя Янь Цзи, он должен был бы почувствовать боль. Увидев, что Чжун Цин не может без его феромонов, он должен был бы почувствовать облегчение. Но сейчас он был спокоен, как сторонний наблюдатель. Казалось, то, что билось у него в груди, уже давно превратилось в пепел от многодневной скорби и страха.

Он поднял голову и спросил у человека, стоявшего по другую сторону кровати:

— Ты всё ещё хочешь его забрать?

Янь Цзи не хотел верить своим глазам. Он крепко зажмурился, а когда открыл глаза, наконец принял правду — Чжун Цин любил его самого, но нуждался в феромонах Андре.

— Андре, ты — самый подлый человек на свете.

После многодневной холодной войны два великих альфа-легиона внезапно заключили мир.

Ещё недавно они были на грани войны, готовые вцепиться друг другу в глотки, а теперь, всего через несколько дней, ситуация кардинально изменилась. Два маршала, словно вернувшись в юность, снова стали неразлучны, разделяя и стол, и кров.

Но война всё-таки пришла.

Сначала она была скрытой и незначительной, как обычная ссора.

Постепенно она набирала силу, перекидываясь с одной улицы Столичной звезды на другую, с земли на металлические своды зданий.

И утопающие в роскоши аристократы, и вечно занятые простолюдины начали понимать: война пришла в их дом, война между двумя расами, альфами и бетамы, и она не закончится быстро.

Чжун Цин слушал трансляцию фарсового судебного заседания.

Этот процесс, организованный высшим судебным департаментом Альянса, транслировался на всю сеть. Зал гудел, но скамья подсудимых была пуста.

На скамье истцов в слезах выступал господин Капе.

— Моя супруга была знатной омегой. Годами она молча терпела дискриминацию со стороны омег и альф лишь потому, что вышла замуж за бету, а не за альфу. Главный судья, вы спрашиваете меня о мотиве убийства госпожи Ланкастер? Разве он не очевиден? Он — госпожа Ланкастер. Кого он невзлюбил, того и убил!

— Но ни один закон Альянса не запрещает нам любить друг друга, ни один закон не запрещает нам вступать в брак. Неужели только потому, что у Ланкастера есть оружие, мы должны покорно идти на заклятие?

Зал взорвался негодованием.

Господин Капе продолжал сокрушаться.

— Ради военных походов альф мы затягивали пояса, отдавая всё, что могли сэкономить, на нужды армии. Военное ведомство ничего не производит. Каждое ружьё, каждый снаряд, каждый кирпич в их крепостях — всё это оплачено нашим потом и кровью. Мы безропотно поддерживали каждый их план по расширению границ. Мы позволили им красоваться во вселенной, а они в ответ направили оружие на нас!

Он обернулся к зрителям и с болью воскликнул:

— Сегодня погибла моя жена, но кто знает, не придёт ли завтра черёд ваших жён!

Внезапный взрыв шума заставил Чжун Цина выключить экран.

Его зрение ещё не восстановилось. Он просто хотел включить что-нибудь, чтобы послушать, и наткнулся на этот абсурдный судебный процесс, о котором даже не уведомили обвиняемого.

Чжун Цин не сомневался в искренности горя истца.

Семья Капе была вернейшим союзником Росмондов. Госпожа Капе была омегой из знатной семьи, чистокровной, и они с господином Капе были друзьями детства.

Омега не должна была выходить замуж за бету, но господин Капе, в порыве юношеского максимализма, настоял на своём. И он сдержал слово: за все эти годы у него не было ни одной любовницы. Это означало, что ребёнок, которого носила госпожа Капе, был их единственным наследником, будущим главой всей семьи Капе.

Вскоре после того, как Чжун Цин отравился и впал в кому, госпожу Капе нашли мёртвой в её летательном аппарате по пути домой. Две жизни оборвались в один миг.

Яд, который выпил Чжун Цин, смог примирить два альфа-легиона, а яд, который выпила госпожа Капе, смог навсегда расколоть альф и бет.

Господин Капе не верил, что его любящая жена могла покончить с собой, забрав с собой их ребёнка, и в гневе обвинил в её убийстве Ланкастера.

Его горе было искренним, но и спектакль, который он разыгрывал, был очевиден.

Политики всегда всё продумывают.

Расширение границ было решением всего Альянса, но Парламент тут же открестился от него, свалив всю вину на Военное ведомство. Вчерашние герои стали сегодняшними преступниками, и уже был готов предлог для того, чтобы забрать у них власть.

Эта трагедия произошла так внезапно, что полностью разрушила планы Росмонда по разжиганию междоусобицы среди альф. Но пиар-служба бет сработала безупречно, превратив этот инцидент в идеальный повод для начала войны.

Первая кровопролитная стычка произошла через три дня после суда.

На экране окровавленный металлический пол, отмытый водой, снова сиял как новый. Ничто не

напоминало о том, что здесь произошло нечто ужасное. Боль и предсмертные слова жертв исчезли без следа.

Охрана у дверей с каждым днём увеличивалась. Андре и Янь Цзи не появлялись по десять-пятнадцать дней, а если и заходили, то ненадолго.

Возможно, из-за того, что зрение и слух Чжун Цина были сильно повреждены, они оба стали необычайно молчаливы. Иногда Чжун Цин даже путал их, не понимая, кто именно обнимает его.

Военное чутьё подсказывало Чжун Цину, что сейчас преимущество на стороне Военного ведомства.

У них не было недостатка в оружии — военные базы по всей галактике непрерывно поставляли его на Столичную звезду. У них не было недостатка и в деньгах — захваченные на других планетах ресурсы с лихвой покрывали их военные расходы.

Но у них не было дорог.

Все грузы и персонал, доставляемые на Столичную звезду, должны были проходить через множество контрольно-пропускных пунктов, а заправляли там в основном беты. В этой ситуации у них было два выхода: либо пробиваться с боем, либо платить взятки, в несколько раз превышающие стоимость самого груза.

Беты составляли 60% населения Альянса, и без них Военное ведомство не могло нормально функционировать.

Поэтому отношения между военными и правительством были похожи на качели.

В начале войны перевес был на стороне военных, но чем дольше она длилась, тем больше преимущество переходило к правительству. Если не одержать быструю победу, Военное ведомство ждал неминуемый крах.

Альф в академии не учили морали, поэтому они без зазрения совести могли направить оружие и на врагов, и на друзей.

Беты же рассуждали так: если расширение Альянса невозможно без жертв среди этих человекоподобных орудий, то пусть они сами себя уничтожат.

Казалось, омеги в этой надвигающейся войне были бессильны.

У них не было ни оружия, ни кораблей, ни союзников, ни лидера. Но даже если плоды победы

будут добыты воровством и обманом, оно того стоило.

Андре и Янь Цзи ушли. В доме никого не было, и Чжун Цин, прислонившись к окну, смотрел вдаль.

Внезапно его охватило острое чувство опасности.

Он инстинктивно дёрнул головой. Пуля, просвистев у самого черепа, вонзилась в деревянный шкаф за его спиной.

Вокруг внезапно стало очень тихо.

Не было слышно ни шагов патруля, ни шума работающей техники. Словно все они испарились.

Чжун Цин почувствовал слабую вибрацию пола — в доме кто-то ходил. По меньшей мере четверо, и один из них уже был за дверью.

Он босиком подошёл к кровати и вытащил из-под подушки кинжал. Спрятав его за спиной, он тихо подошёл к двери и в тот самый миг, как она открылась, одним движением перерезал горло вошедшему.

Он старался двигаться как можно тише, но, не видя чёткого силуэта противника и лишь смутно угадывая расположение его сонной артерии, ему пришлось вложить в удар всю свою силу, чтобы даже в случае промаха у того не было шанса на ответный удар.

У него не хватило сил удержать обмякшее тело.

Звук брызнувшей крови и падения тела привлёк внимание остальных. Шаги зазвучали всё быстрее, смешиваясь с неуверенными возгласами.

Чжун Цин пошёл на звук.

Он спрятался за углом, на пути противника, вытер ладонь и рукоять ножа о край одежды и стал ждать.

В нескольких шагах от него противник внезапно остановился. Чжун Цин услышал звук соприкосновения оружия с кобурой и понял, что его обнаружили.

Чжун Цин тихо присел. В тот миг, как противник, развернувшись, открыл огонь, он бросился ему в ноги, сбил с ног и, как по маслу, вонзил нож ему в спину.

Внезапная боль пронзила руку. Чжун Цин, оставив нож, зажал рану и побежал обратно в комнату.

За дверью шаги третьего и четвертого становились всё отчетливее.

Чжун Цин отошёл от двери, прислонился к изножью кровати и, сняв окровавленную рубашку, перевязал рану на руке.

Дверь открылась. Два вооружённых до зубов убийцы, в свете коридорных ламп, увидели того, кто был перед ними.

Полуобнажённый омега, на его белой груди виднелись пятна крови. В его изящных, длинных пальцах не было оружия. Он, опустив глаза, смотрел в пол, казалось, совершенно незащищённый. Даже лежащее рядом тело товарища не умаляло его очарования.

Один из убийц опустил оружие и подошёл к нему. Он присел на корточки и нежно провёл рукой по лицу Чжун Цина, собираясь что-то сказать, но в следующее мгновение игла пронзила его висок.

Четвёртый, поражённый этим, выстрелил, попав Чжун Цину в левое плечо. Чжун Цин, сдерживая крик боли, перекатился за шкаф.

Убийца посмотрел на тело своего товарища с застывшим в глазах ужасом и понял, что в его виске торчит всего лишь часовая стрелка. Он выругался и, подняв оружие, сосредоточенно прицелился в того, кто прятался за шкафом.

Подойдя к шкафу, он споткнулся о что-то. В тот же миг Чжун Цин выскочил сбоку и, придавив его коленом, попытался вырвать у него оружие.

Но его силы были несравнимы с силой наёмника, и в итоге оружие отлетело ещё дальше.

Боевые навыки Чжун Цина были отточены, но без физической силы он быстро оказался в проигрышном положении. Противник наносил смертельные удары, и если бы Чжун Цин не прикрывал жизненно важные органы, он бы не отделался лишь кровохарканьем.

Наконец, Чжун Цин рухнул в лужу крови, не в силах больше подняться. Его глаза были полузакрыты, казалось, он уже потерял сознание. Недалеко лежала увядающая роза. Словно забыв о своём положении, он потянулся к ней.

Убедившись, что он больше не представляет угрозы, убийца, тяжело дыша, с жалостью посмотрел на него. Он подошёл, поднял розу и вложил её ему в руку. Но в следующую секунду...

Когда убийца наклонился, чтобы поднять Чжун Цина, острые шипы розового стебля с нечеловеческой скоростью вонзились ему в глаз. Брызнувшая кровь окрасила белые лепестки.

Бах.

Раздался выстрел, и мучительный крик оборвался.

Чжун Цин вытащил свою розу из кровавой раны. Он ничего не видел и не знал, была ли это красная роза «Эдем» или белая «Снежная гора».

Лепестки и кровь смешались, создавая странный аромат. Чжун Цин глубоко вдохнул.

Он ничего не чувствовал.

Словно две стальные пилы резали его череп. От боли перед глазами темнело. От потери крови всё тело похолодело, онемело, и он уже едва мог удержать розу.

В тумане ему слышались шаги.

Раз, два, три. Они остановились перед ним.

Когда Чжун Цин уже решил, что это галлюцинация, кто-то нежно поцеловал его в лоб.

Внезапный ужас заставил Чжун Цина попытаться сопротивляться, но у него не было сил даже поднять руку.

Он потерял сознание во тьме.

— Он — наш козырь, а не твой личный трофей, — гневно сказал кто-то. — Не недооценивай его. Четырёх трупов Ланкастера тебе недостаточно, чтобы усвоить этот урок?

— Но если бы ты видел его тогда, ты бы тоже, как и я, не захотел его возвращать, — беззаботно ответил другой.

Если бы здесь был Андре, он бы узнал в этом человеке главаря космических пиратов, номер один в списке разыскиваемых Альянсом, того, кто давно должен был быть мёртв от его руки в звёздной системе Лайон.

Воскресший из мёртвых главарь бандитов с любовью смотрел на человека, который уже долгое время спал на кровати, и спросил:

— Гойя, доктор говорил, когда он очнётся?

Гойя Росмонд смерил его гневным взглядом.

— Должен скоро. Доктор сказал, что он вне опасности.

Он не мог больше видеть его счастливое лицо и уже собирался уйти, но у двери остановился и в последний раз спросил:

— Ты уверен, что хочешь скрыть его существование, Шон? Это твой лучший шанс отомстить Андре.

Шон Росмонд улыбнулся ему.

— Даже если я не смогу похвастаться перед ним... собственноручно упустить свою жену — этого уже достаточно, чтобы он страдал всю оставшуюся жизнь, не так ли?

— Что ж, — Гойя с преувеличенной вежливостью поклонился ему. — Да хранит тебя Альянс, брат.

<http://bllate.org/book/16114/1585696>